

Осень едва вступила в свои права, как выдались редкие по-настоящему тёплые и солнечные выходные. Чжоу Цзяи давно умолял о прогулке, так что Шэнь Цзя и Чжоу Цзыфэй взяли малыша и отправились на пикник в ближайший ландшафтный парк.

— Значит, ваш бывший снова хочет всё вернуть, Учитель Шэнь? — спросил Чжоу Цзыфэй, устраиваясь на мягком пледе.

Неподалёку Чжоу Цзяи увлечённо возился в ворохе шуршащей листвы.

Шэнь Цзя задумчиво вёл пальцем по жёлтой клетке подстилки. В его голосе звучало растерянное недоумение:

— Не знаю... Он прямо ничего не говорил, так что я и сам не пойму, к чему всё это.

Последние недели сообщения от Юй Сянхана сыпались одно за другим. Как-то вечером тот даже звонил, но Шэнь Цзя тогда играл с Чжоу Цзыфэем в бадминтон и вызова не слышал. Когда же он перезвонил, Сянхан просто не снял трубку. Шэнь Цзя недоумевал, но быстро выбросил это из головы.

После этого Юй Сянхан на пару дней затих, а затем, словно с цепи сорвавшись, завалил Шэнь Цзя сообщениями. Твердил, что им нужно срочно встретиться, что у него больше нет сил терпеть.

— Я пытался его образумить. Написал: если совсем не вмоготу, сходи к психотерапевту или откровенно поговори со своим парнем, скажи, что не можешь смириться с расставанием. Но он лишь твердит одно и то же: «Ты ведь меня ненавидишь, да?»

Шэнь Цзя размышлял над этим и пришёл к выводу, что Сянхан, видимо, просто остро переживает одиночество после очередного разрыва, вот и вспомнил о нём в поиске утешения. Но кроме этих сухих слов Шэнь Цзя ничего дать ему не мог.

В последнее время он и сам поражался собственной реакции. Почти десять лет он отдавал Юй Сянхану всю свою любовь, тепло и заботу, а теперь, вновь столкнувшись с ним, чувствовал лишь пересохшее русло ручья. Былые чувства иссякли, и ничто внутри больше не стремилось к этому человеку.

— А вы, Учитель Шэнь... ненавидите его?

Взгляд Чжоу Цзыфэя был пристальным и глубоким. Яркая осенняя красота парка ничуть его не интересовала — он смотрел только на Шэнь Цзя.

Тот ответил сразу, без малейшего колебания:

— Ненавижу? Конечно же нет. Первое время после развода, может, что-то такое и было. Но постепенно всё прошло. Сейчас, когда я думаю о нём... — Шэнь Цзя запнулся, подбирая точные слова. — Это ощущается так, будто он просто давний знакомый. Мы прошли через многое: я помню, как он выручил меня, помню его тепло, но помню и боль, которую он причинил. Только теперь всё это кажется лишь страницами прошлого. Моим личным опытом, не более.

Порыв ветра сорвал багряный кленовый лист, и тот мягко опустился Шэнь Цзя на колени. Подхватив сухой черешок, он бережно переложил листочек в коробочку, которую Цзяи приготовил для своей коллекции.

Каждый из нас встречает людей, которых трудно забыть, и переживает раны, что до боли терзают душу. Но когда всё остается позади, оно становится просто прошлым. Задвинутые в далёкий уголок памяти воспоминания остаются с нами навсегда, но больше не способны отравлять грядущие дни.

— Верно, нужно двигаться дальше, — подвёл итог Чжоу Цзыфэй, с лёгкостью закрывая тему. — Ваш бывший рано или поздно тоже это поймёт. Не берите в голову, Учитель Шэнь.

— Дядя, смотри! Они срослись! — Чжоу Цзяи подбежал к ним с радостным смехом. Зарывшись головой в колени Шэнь Цзя, он с гордостью продемонстрировал им сросшиеся листочки — большой и маленький. — Прямо как мы с Учителем Шэнь! Мы тоже будем вместе каждый божий день!

— Каждый день, говоришь?

Чжоу Цзыфэй забрал листочки, с притворной серьёзностью разглядывая находку, а затем коварно хмыкнул:

— Вообще-то, Чжоу Цзяи, в следующем году ты идёшь в школу. Так что человек, который будет видаться с Учителем Шэнь изо дня в день — это я.

Он вложил сросшиеся листья в ладонь Шэнь Цзя и с лукавой улыбкой уточнил:

— Правда ведь, Учитель Шэнь?

— Я... я вообще-то ещё не говорил, что согласен... — смущённо пробормотал Шэнь Цзя, вспыхнув до корней волос и уткнувшись взглядом в землю.

Цзяи тем временем переключился на дядю: вцепился в его свитер и закричал «Неправда!», а Цзыфэй с невозмутимым видом продолжал дразнить племянника, твердя, что в следующем году тому придётся убраться из группы Учителя Шэнь. Губы малыша тут же задрожали, и он вот-вот готов был расплакаться.

Шэнь Цзя поторопился прижать ребёнка к себе, баюкая и успокаивая:

— Ну что ты, И-и, не плачь. Когда соскучишься, просто попроси дядю привезти тебя ко мне. Мы сможем видеться каждые выходные!

— Вот именно, Чжоу Цзяи! — не упустил случая коварный дядя, мигом воспользовавшись моментом. — Так что беги и уговаривай Учителя Шэнь, чтобы он пообещал часто со мной видеться и не терять связь. А не то мы поссоримся, и ты своего учителя тоже больше не увидишь!

Шэнь Цзя метнул на него абсолютно безвредный, полный показного негодования взгляд и велел мальчику не слушать эти глупости.

Однако Цзяи уже принял слова дяди всерьёз. Утирая шмыгающим носом слёзы, он умоляюще уставился на воспитателя:

— Учитель Шэнь, вы обязательно должны быть вместе с дядей! Тогда я пойду в школу, а дядя всё равно будет приводить меня к вам каждый день! Учитель Шэнь, пообещайте, что вы будете вместе всегда-всегда! Ну пожалуйста!

Чжоу Цзыфэй едва удержался, чтобы не наградить племянника медалью за сообразительность. Он с торжествующей ухмылкой изогнул бровь, выразительно глядя на Шэнь Цзя: мол, ну же, отвечайте, Учитель Шэнь!

Шэнь Цзя проигнорировал его победный вид. Достав салфетку, он бережно вытер со щёк малыша слёзы и снова заверил, что они обязательно будут видеться. Но Цзяи, всхлипывая, не отступал, требуя ответа именно на вопрос о том, будут ли они вместе.

— Хорошо-хорошо, — сдался наконец Шэнь Цзя, не в силах выносить эти детские слёзы. — Обещаю, мы будем вместе каждый день.

И хотя Чжоу Цзыфэй прекрасно понимал, что Шэнь Цзя сказал это лишь ради спокойствия ребёнка, оставшуюся часть дня он ходил сам не свой от радости. Выполнял любые капризы племянника, а уж вокруг Шэнь Цзя и вовсе вился шмель: едва тот успевал сделать глоток воды, как Цзыфэй уже подхватывал стакан и наперебой подавал салфетки.

Лишь когда солнце склонилось к горизонту и в парке ощутимо похолодало, троица собрала вещи и отправилась домой.

— Учитель Шэнь, я сначала отвезу Цзяи к маме, а потом доставлю вас домой.

Шэнь Цзя кивнул. Подъехав к вилле семьи Чжоу, он увидел через окно автомобиля, как длинноволосая женщина встретила их у порога и унесла мальчика в дом.

Мать Цзяи недавно вернулась из-за границы. Чжоу Цзыфэй упоминал, что эта поездка была связана с окончательным урегулированием вопроса об опеке. Теперь все юридические формальности остались позади: ребёнок остался с матерью, а бывший муж — изменник и домашний тиран — потерпел полное поражение, уйдя ни с чем.

На обратном пути они угодили в самый разгар вечернего часа пик. Застряв на очередном светофоре, Шэнь Цзя заметил, как потемнело небо — надвигалась гроза. И действительно, не прошло и пяти минут, как по лобовому стеклу с оглушительным дробом застучали тяжёлые капли.

К дому Шэнь Цзя они подъехали уже на исходе девятого часа.

— Может... останешься на ужин? — тихо предложил Шэнь Цзя, пока машина стояла у подъезда. — А то пока доедешь до себя, уже и девять стукнет.

«Я боюсь, ты проголодаешься в дороге», — эта мысль так и осталась невысказанной. Шэнь Цзя сжимался на пассажирском сиденье и, хотя сам предложил остаться, упорно смотрел в окно, всем видом демонстрируя показное равнодушие.

Но от острого взора Чжоу Цзыфэя ничего не утаилось. В полумраке салона он отчётливо разглядел, как вспыхнули алым кончики ушей его спутника.

— С удовольствием! — откинулся Чжоу Цзыфэй с задорной лёгкостью. Не давая Шэнь Цзя времени передумать, он тут же распахнул дверцу.

К подъезду они бежали под одним зонтом, вымочив плечи. Едва переступив порог, Шэнь Цзя первым делом протянул гостю сухое полотенце.

За всё время, что он снимал эту квартиру, ему впервые довелось готовить, ужинать и мыть посуду в чьём-то обществе.

Шэнь Цзя чувствовал себя не в своей тарелке: то и дело нервничал, бросая украдкой взгляды на гостя. Цзыфэй же, напротив, держался удивительно непринуждённо, будто находился у себя дома.

— Похоже, ливень и не думает утихать, — заметил Чжоу Цзыфэй после ужина. Он стоял у раковины и как бы между прочим драил тарелки.

Шэнь Цзя смутно догадывался, что совершил ошибку, пригласив его, но выставить человека за дверь теперь не поднималась рука. Пришлось молчать.

— Учитель Шэнь, на улице такой проливной дождь... Вести машину в такую погоду довольно опасно, правда?

«Ну вот, началось», — промелькнуло в голове у Шэнь Цзя.

— Может, мне остаться у вас на ночь? На вашем диване вполне можно устроиться, я буквально на одну ночку. Хотя, конечно, если вы хотите, чтобы я лёг с вами... Осторожно!

Тарелка выскользнула из мокрых пальцев Шэнь Цзя, но Чжоу Цзыфэй с молниеносной реакцией подхватил её у самого пола.

— Если вы так против моего присутствия, я уеду прямо сейчас. Но бить посуду в знак протеста — это уже слишком... Эй?

Шэнь Цзя с размаху брякнул губку прямо в руки Цзыфэю, сдёрнул резиновые перчатки, молча ополоснул ладони и направился прочь из кухни.

— Учитель Шэнь? Учитель Шэнь, вы куда?

— Пойду поищу сменную одежду, подушку и одеяло. А раз уж решил остаться — домывай посуду сам.

Счастье обрушилось так внезапно, что Чжоу Цзыфэй так и застыл с тряпкой в руке, недоумённо глядя вслед Шэнь Цзя, скрывшемуся в спальне.

Лишь когда из комнаты донёсся шум выдвигаемых ящиков и раздалось сердитое: «Моя пижама тебе подойдёт?», до Цзыфэя наконец дошёл смысл происходящего.

— Подойдёт! В самый раз! — громко отозвался он.

Из спальни больше не донеслось ни звука. Чжоу Цзыфэй снова принялся за тарелки, но сдержав счастливой ухмылки так и не смог — тихо засмеялся от нахлынувшего восторга.

— Ложись в спальне, — произнёс Шэнь Цзя, вынеся комплект пижамы (когда-то достался ему по акции «два по цене одного») и уложив на диван подушку с одеялом. — А я лучше посплю в гостиной.

— Вот ещё! Я гость, вы хозяин. Как это гость уляжется на хозяйскую кровать, а хозяина выставит на диван?

Чжоу Цзыфэй категорически отказался от такого предложения. Но Шэнь Цзя упорствовал, с самым серьёзным видом доказывая, что терпеть не может спать в комнате в одиночестве и куда больше любит гостиную. Цзыфэй сокрушённо вздохнул:

— Учитель Шэнь, а почему бы нам просто не лечь вместе в спальне? И вам не придётся ютиться на диване, и я не буду чувствовать себя невоспитанным чурбаном.

Шэнь Цзя замялся. Ему явно не хотелось соглашаться, но взгляд его забежал, и сколько он ни пыжился, убедительной причины для отказа так и не нашлось.

— Вы не переживайте, Учитель Шэнь. Я к вам приставать не буду, да и сплю я смирно, не брыкаюсь. К тому же за окном такая сырость... Разве в гостиной не будет холодно одной ночью?

Словно в подтверждение его слов, за окном грохнуло, ливень припустил с новой силой, а сквозь неплотно прикрытую балконную створку потянул сырой сквозняк. По коже Шэнь Цзя тут же побежали мурашки.

Взгляд Чжоу Цзыфэя лучился такой искренностью, а голос звучал настолько убедительно, что защита Шэнь Цзя наконец дала трещину.

— Ну... ладно, — неуверенно сдался он. — Но с условием: никаких... глупостей! Иначе я с тобой спать не стану.

Шэнь Цзя изо всех сил пытался нагнать на себя строгий вид, но мягкая, утончённая красота его лица не оставляла ни единого шанса прозвучать угрожающе. В глазах Чжоу Цзыфэя эта попытка выглядела как сердитое шипение маленького котёнка — не пугающе, а безумно мило.

А уж сами слова...

«Никаких глупостей, иначе с тобой спать не стану» — от этой фразы у Цзыфэя и вовсе кровь закипела.

Он смотрел на пухлые, налившиеся нежным румянцем щёчки Шэнь Цзя — результат его заботливого откорма в последние недели. Из-за того что Шэнь Цзя поджал губы, на щеке задорно проступила крошечная ямочка.

Чжоу Цзыфэй судорожно сглотнул. Кажется, до постели они ещё даже не дошли, а делать «глупости» ему хотелось уже прямо сейчас.